

На тропе возрождения

Народознание в России, громко заявив о себе уже в начале 19 века (после основательного изучения трудов братьев Гримм, В.Гумбольдта и др.), закономерно приобретает несколько романтический характер, особенно в эпоху народничества. Но именно на этой романтической волне оно достигает выдающихся результатов как в собирании и обобщении огромного и разнородного материала, так и в его глубоко научном освоении. Получают интенсивное развитие несколько гуманитарных дисциплин, по своим результатам, быть может, не превзойдённых и поныне: мифология, фольклористика, этнография, литературоведение, лингвистика, психология, история и др. При этом было сделано и такое открытие, что «и мужик-человек». Значит, у него есть душа и разум, значит, и его волнуют те же проблемы жизни и смерти, что и природного интеллигента, только он ищет на них ответы не в кабинетах и библиотеках, а в пространствах бытия и природы.

Своего апогея народознание достигает, как ни странно, после революции, в середине 20-х годов, но уже без романтических окрылений, вооруженное цифрами, статистикой, теориями. Причина такого взлёта понятна: народ как бы разломился надвое, и на этом разломе проявил себя сполна, стал доступнее для наблюдения. Возникает и набирает обороты такая дисциплина, как краеведение (или регионоведение), интенсивно используется понятие «Культурное гнездо», выдвинутое еще до революции Н.К.Пиксановым. Однако краеведческий ренессанс длился недолго, после известного коварного и злобного процесса начала 30-х годов народознание резко идет на спад. Советское народоведение, за редкими исключениями, вряд ли можно назвать научным, его взнуздали официальной идеологией, подчинили решению сиюминутных тактических задач партии и государства. Тем не менее изучение народа и его творчества продолжалось. Правда, далеко не все добытые знания могли удачно миновать красного цензорского карандаша, а потому оседали в домашних архивах, в сейфах столичных и районных лубянок (не выброшенные, не сожженные при арестах), хранились в каких-нибудь потаенных уголках до лучших времен. Кажется, теперь такие времена настали, но «вместо цепей крепостных люди придумали много иных». Да и народ стал другим, и охотников его изучать поубавилось, так что многое надо начинать заново и по-новому...

За редким исключением, все давнее почему-то кажется нам гораздо интереснее и драгоценнее, чем современное (в советские годы – наоборот). Наверное, потому, что это уже память о прошлом, часть нас самих. Во-вторых, потому, что оно чем-то отличается от того, к чему мы привыкли и почти не замечаем. А прошлое – это мы вчерашние, словно наши детские фотографии. Какие же мы были? Как жили, о чем думали, как любили, страдали, пели, расставались, о чем мечтали, какими словами выговаривали друг другу свою душу?

Перед вами «Сказки и песни Воронежского края», записанные в 1936 году, ровно 70 лет назад! Долгое время они пролежали в домашнем архиве доцента кафедры теории литературы и фольклора Александра Ильича Кретова и совсем недавно любезно переданы на кафедру его сыном, профессором университета А.А.Кретовым. Для нас это поистине ценнейший подарок и находка! Сказки и песни записаны С.Ананьиним, человеком незаурядной смелости и самоотверженности, ибо незадолго перед этим в Воронеже (как и по всей стране) разразился так называемый «процесс краеведов», абсолютно не справедливый и жестокий (тюрьмы, концлагеря, расстрелы). Нам интересны и важны не только эти как бы воскресшие тексты, но и то, где и как они записаны, в каком речевом формате. А записаны они не от безымянных носителей, а от конкретных, простых людей, часто малограмотных или неграмотных вовсе, с соблюдением их речевой огласовки – диалектной, просторечной, далеко не литературной лексикой. Записаны от людей разных возрастов (от детского до пожилого), для которых середина 30-х годов отошедшего века была их личным, живым

временем. Тогда, обуреваемые мифом построения чисто пролетарской культуры, на деле боролись, искореняли, уничтожали культуру народную, а из классической изымали все, что противоречило революционно-классовой идеологии. Повсюду бесцеремонно проводился в жизнь принцип «организованного упрощения культуры» (М.Ливидов). Широко образованные, душевно богатые, сложные люди мешали прожектерам нового мира и человека, из которого хотели сделать послушного мускулистого пролетария. Повсеместно искоренялась вера, традиции, обычаи и обряды, сжигали иконы и «вредные» книги, а иные на десятилетия упрятывали в спецхраны, разрушали храмы, устраивали похороны сохи, серпа и других «устаревших» орудий труда (до сих пор ими пользуются), красные свадьбы, красные именины, сочиняли былины про вождей и т.п. «Поэтические воззрения славян на природу» А.Н.Афанасьева (нашего земляка), впервые изданные в 60-х годах 19 века, запрещалось не только изучать, но и упоминать – как воплощение всего отжившего и реакционного.

Время 30-х годов вырисовывалось поистине двуликим Янусом: с одной стороны, лозунги культурной революции, ликбезы, избы-читальни, библиотеки, школы, обязательная 5-летка, с другой – всевозможные ограничения и запреты, спецхраны, костры из книг, искоренение всего старого, веками наработанного, преследование «спецов», всех, кто закончил гимназии и университеты (не дай бог – зарубежные) и знал многое помимо учебников для школ 1 и 2 ступени и «Краткого курса». Вырастали поколения, поистине культурно опрошенные, обворованные, душевно оголенные, лишённые традиций и связующих звеньев памяти, оторванные от родной почвы, нередко вдохновляемые школой на противостояние родителям, доносительство, даже на открытую борьбу с «отсталым» и «реакционным» поколением предков. Недаром сказаны были тогда вещи, но горькие слова О.Мандельштама: «Мы живем, под собою не чуя страны». И страны, и старины, и всего культурного наследия.

А вот эти певцы и сказители – дети, мамы и бабушки, отцы и деды – еще многое помнили. И не только помнили, но и жили духовно теми песнями и сказками, которые от них записывали. По этим текстам, сопоставляя их с классическими изданиями 19 века, можно судить, что же происходило с русским фольклором, с мироотношением, сознанием русского человека. Сказки в предлагаемой книге порой можно назвать неклассическими не только по сюжету, общим приемам поэтики, но и по манере рассказывания. Сказки эти более короткие, торопливые, что ли, сами сказители в них как бы меньше верят и смотрят на все со стороны. Некоторые сюжеты подновлены современными атрибутами – в них даже легковые автомобили въезжают. Речь в текстах очень неровная, пестрая, осовремененно-разговорная, утратившая плавное течение и многозначительные паузы старинных сказок. Вполне очевидно, что сказители уже почти вышли из-под власти традиций, утратили народно-поэтическое восприятие того мира, о котором повествуют, иногда нарушают логику событий, путают имена героев. Сказка с ее моральным уставом и добрым концом уходила в прошлое, а в этих много крови, убийств, расстрелов, коварства, и люди уже сражаются не с чудовищами, а сами с собой. Что ж, сама окружающая реальность становилась страшнее сказки и диктовала ей свои условия. Раньше сказка несла в себе то, чего не увидишь вокруг и рядом – как бы в противовес однообразной полусонной жизни, а теперь за окном и повсюду происходило такое, что и в сказочном мире не часто встретишь. У детей – рассказчиков, как правило, сказки очень короткие, событийно-жесткие, порой зло озорные («Иван-дурачок», «Парень и черт»), чувствуется, в их памяти остались какие-то осколки от давних пространных сюжетов, и они сжимают, уплотняют их, не особенно увлекаясь подробностями. На наших глазах происходит «перетряска», усечение канонических жанров, ибо они, сказки, уже играют второстепенную роль в деле духовного образования крестьянской молодежи. Вместо сказок на их столах лежат советские учебники, иногда газеты; посиделки в просторных избах уступили место клубным и школьным мероприятиям. По песням и сказкам видно, что не особенно крепкой стала русская семья – споры, непослушания, предосудительное поведение детей – уже не редкость. Девушка, почти

невеста, так напилась, что под сосной заснула, однако наказывает отцу не журить за это, а если вздумает –

Я больше того буду шалить,
Во царев кабак ходить,
Целовальника любить.

Все можно найти в этих песнях и сказках: по традиции достается попам, князьям, царям, вельможам, но и своим простакам и дурачкам попадает. Есть тут и верность, и любовь, и плотский грех, и ревность, и расчет, и продажность, и пьянство, и хитрость, и обман, и горе покинутых или вечно одиноких, и несправедливость, и неравенство, но, как ни странно, почти нет мотивов угнетения, унижения, беспросветной бедности, хотя колхозная жизнь 30-х годов и недавний голодомор, унесший миллионы крестьян, должны бы отозваться в любых жанрах. Или сталинская фраза «Жить стало лучше, жить стало веселее» все подобные мотивы из сознания вырубил?

Есть на этих страницах фрагменты и фразы, которые надолго останутся в памяти. Для наглядности просто выпишу несколько примеров, чтобы они прозвучали отдельно: «встречает их и рассказывает про жизненное время». Не про жизнь, а про «жизненное время», то есть про что-то более пространное, емкое, динамичное и протяженное, чем просто жизнь – одно слово, которое все покрывает без подробностей. Или остросовременная сказка «Как хохлатский поп службу служил», в тексте которой мужики-москаляки неправду заметили: «Что ж ты, хохол, брешь, не было ни земли, ни неба, а на чем же плетень стоял?» Драматично и одновременно поэтично звучат в другой сказке признания девушки: в голос кричала – не услышал, платочком махала – не увидел, тяжело вздохнула – повернулся, услышал! Как горьки и жалобны слова в одной из песен – их просто так не придумаешь:

На что судьба на свет нас создала
И никакой отрадьицы нам не дала?

А какое честное и бескомпромиссное осуждение своих грехов, самих себя, без поиска виновных на стороне, звучит в этих незатейливых строчках:

У нашего у двора
Погорела лебеда.
Отчего погорела?
Худа слава надоела...

В последние годы мы много говорили о возрождении культуры, страны, народа, искали всевозможные пути и рецепты скорейшего возрождения. На мой взгляд, лучший путь – это вернуть самое ценное из того, от чего нас поспешно отлучали, что так агрессивно упрощали. И как хорошо, что эту книгу песен и сказок, записанных от простых людей в середине 30-х годов, издает ныне «Центр духовного возрождения Центральной России». Прочитаем, что-то вспомним, что-то проснется в нас корневое, главное, и мы с большей уверенностью, с большим достоинством будем смотреть в будущее. Народная культура – это не только предмет изучения, это наше все, это наше спасение, это воздух, которым мы должны дышать и быть здоровыми и полноценными...